

1. Pateikiame po 6 kiekvienos kalbos (anglų k., rusų k., vokiečių k. ir prancūzų k.) trumpuosius tekstus ir po 1 ilgąjį kiekvienos kalbos tekstą. Iš viso 28 tekstai.
2. **Išversti trumpuosius tekstus siūlome iki 2025 m. kovo 10 d.**
Registracija vyks iki 2025 m. kovo 3 d.
3. Moksleivis tekstą gali rinktis su mokytojo (darbo vadovo) pagalba, bet verčia jį **savarankiškai**.
4. Versdami tekstus moksleiviai gali naudotis žodynais. Darbas atliekamas rašant ranka arba kompiuteriu. Rašančių ranka prašytume tai daryti įskaitomai. Primename, jog tekste esantys eilėraščiai taip pat turi būti išversti (pažodinis arba poetinis vertimai).
5. Verčiant pasirinktą tekstą laikas nėra ribojamas.
6. Išverstus tekstus maloniai prašome išsiųsti vienu iš būdų:
 - a) elektroniniu vertimo lapu, kurio adresas yra <https://www.vkif.lt/darbu-siuntimas> (atsivertę šį puslapį, rasite vertimo vietą ir anketą, kurią reikia užpildyti ir išsiųsti; išsiuntę darbą, gausite patvirtinimą, kad vertimas gautas).
 - b) jei neturite galimybės naudotis elektroniniu vertimo lapu, išverstus tekstus galite siųsti ir Lietuvos paštu, adresu: **VKIF „Tavo žvilgsnis“, J. Basanavičiaus g. 12, 03224 Vilnius**. Drauge su tekstais paskutiniame puslapyje pateikiame unifikotą vertimo lapo pavyzdį, kuriame yra anketinė dalis. Nepamirškite jos užpildyti. Tai yra vertimo švarraštis.
7. Vertinant darbus dėmesys bus kreipiamas į kūrybinį vertėjo požiūrį perteikiant mintis gimtąja kalba, kūrinio nuotaikos atitikimą, gramatines ir kalbos klaidas.
8. Pageidaujantys versti iš rusų kalbos moksleiviai, kurių rusų kalba yra gimtoji, į anketinės dalies 5,8 ir 9 klausimus atsako – „gimtoji kalba“.
9. Iliustruotojas neprivalo būti vertėjas. Iliustruotojas gali pasirinkti bet kurį tekstą. Su teksto turiniu, reikalui esant, gali padėti susipažinti mokytojai arba darbo vadovai.
10. Iliustravimo darbai gali būti atlikti įvairiomis technikomis, jie gali būti įvairiausių formatų. Darbus prašome išsiųsti iki 2025 m. kovo 10 d.
11. Iliustracijos originalą būtina siųsti Lietuvos paštu, adresu: **VKIF „Tavo žvilgsnis“, J. Basanavičiaus g. 12, 03224 Vilnius**. Iliustracijas galite siųsti elektronine forma (jeigu darbas buvo kuriamas kompiuteriu), adresu: <https://www.vkif.lt/darbu-siuntimas>
12. Siunčiant originalą Lietuvos paštu būtina nurodyti autoriaus vardą ir pavardę, amžių, švietimo įstaigos pavadinimą pritvirtintame baltame 2,5 x 9 cm formato lapelyje, dešinėje piešinio pusėje. Kitoje (atvirkščioje) pusėje priklijuokite užpildytą anketinę dalį (kaip ir vertėjų), nepamiršdami nurodyti teksto, kurį iliustruojate.
13. **Vertinsime darbus tų mokyklų arba atskirų dalyvių, kurie pateikė elektronines paraiškas su reikiamais duomenimis.**
14. Geriausių darbų autoriams bus įteikti diplomai, kitiems dalyviams – padėkos, o mokytojams – projekto vykdytojo pažymėjimai.
15. Tie projekto dalyviai, kurie norėtų pelnyti ilgojo teksto vertėjo diplomą, **turi išversti siūlomą arba savo pasirinktą didesnės apimties tekstą arba visus šešis ta pačia kalba pateiktus trumpuosius tekstus**. Darbų atlikimo laikas – 2025 m. kovo 10 d. **Pasirinkus versti savo tekstą, būtina atsiųsti ne tik vertimą, bet kartu ir jo originalą.**
16. Geriausių darbų autorių sąrašą pateiksime mokykloms 2025 m. gegužės pabaigoje. Kad sąrašas būtų paskelbtas laiku, prašytume nevēluoti ir laiku pateikti atliktus darbus.
17. Geriausių darbų autorius vėl pakviesime kartu keliauti.
18. Norėdami pasiteirauti, rašykite adresu zvilgsnis@vkif.lt, būtinai nurodydami savo tel. numerį tam, kad susiklosčius neatidėliotinai situacijai, projekto konsultantai galėtų su Jumis susisiekti.
19. Maloniai primename, jog pateikti tekstai svetainėje bus matomi visiems. Kad šių tekstų vertimai ir jų iliustracijos būtų vertinami, reikia atlikti dalyvių registraciją. Ją turi atlikti grupės vadovas(-ė) arba pats dalyvis ar jo tėvai. Paraiška dalyvauti projekte pildoma mūsų svetainėje prisijungus prie savo paskyros per skiltį *Mano VKIF* (pirmą kartą būtina registracija).

Раз гулял я по берегу лесного ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, свернулся и стал издавать звук - тук-тук, тук-тук, как будто вдалеке ехал автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога, он страшно фыркнул, пугая меня, хотел уколоть мой сапог своими иголками, но скатился в ручей.

В воде ёж мгновенно развернулся и поплыл к берегу, как маленький поросёнок, только вместо щетины на спинке иголки. Я взял палочку, закатил ею ежа в шапку и понёс домой. У меня в доме было много мышей, а я слышал – ёжики их хорошо ловят, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

Дома я положил этот колючий комок посреди комнаты, сел за стол дописывать начатый рассказ, а сам всё уголком глаза поглядываю на ежа. Недолго он лежал неподвижно: как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, туда попробовал идти, сюда – выбрал себе место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажёл лампу и - здравствуйте! - ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал на лампу, что это луна взошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным тропинкам. И мой ёжик пустился бегать по комнате, представляя, наверное, что это лесная полянка.

Поздним вечером я, прочитав газету, уронил её на пол, перешёл в кровать и уснул. Сплю я очень чутко. Слышу – какой-то шелест у меня в комнате: зажёл свечу и только заметил, как ёж мелькнул под кровать. А газета лежит уже не возле стола, а посередине комнаты. Думаю – зачем это ёжику газета понадобилась? Скоро мой жилец выбежал из-под кровати – и прямо к газете, повертелся около неё, пошумел, пошумел и, наконец, ухитрился: надел себе на колючки уголок газеты и потащил её под кровать. Тут я и понял: газета ему была как в лесу сухая листва, он тащил её себе для гнезда.

И, оказалось, правда. В скором времени ёж весь обернулся газетой, сделал себе из неё настоящее гнездо. Закончив это важное дело, он выбежал из своего убежища и остановился против кровати, разглядывая свечу-луну. Я встал, налил в блюдце молока, ёжик не испугался – устал, пока дом свой строил. Полакал он молока, и я говорю ему: «Давай спать!»

Вот не знаю, сколько я спал, слышу: опять у меня в комнате работа. Зажигаю свечу – и что вы думаете? – ёжик бежит по комнате, а на колючках у него яблоко. Отнёс в гнездо и за другим бежит в угол. А в углу стоял мешок с яблоками, но завалился на бок и часть яблок рассыпалась. Ёж подбежал, свернулся около яблок и опять бежит – на колючках другое яблоко тащит в гнездо.

Так вот и устроился у меня ёжик. А сейчас я, как чай пить, непременно его к себе на стол – и то молока ему налью в блюдечко, то булочки покрошу – съест.

О происхождении янтаря существует легенда. Жила на дне Балтийского моря богиня Юрате. Однажды выплыла она из глубины морской, увидела красивого юношу – рыбака Каститиса – и увлекла его в свой замок. А замок Юрате – весь из золотистого камня – янтаря. Отец богини бог Пяркунас страшно возмутился поступком своей дочери. Молнией пронзил он насквозь юношу, а второй ударил по замку, разрушил, разметал его на кусочки. Давно это было, но до сих пор выбрасывает море на берег кусочки прозрачного золотого камня – обломки подводного замка. Так объясняли люди в древние времена появление на балтийском берегу маленьких солнечных камешков. Ну, а на самом деле, что такое янтарь?

Янтарь – разновидность яркой, золотистой ископаемой смолы. Название пришло из французского языка, а во французский попало из арабского, где звучало как *ambre*. Арабы, кстати, считали камень затвердевшей росой, упавшей с неба.

Янтарь – хрупкий камень различной степени прозрачности. Специалисты насчитывают около 250 оттенков цвета. Очень ценится янтарь тёмный с вишнёвым оттенком, бывает почти красный, оранжевый, медово-жёлтый. На острове Сицилия и в Доминиканской республике находят зелёный, фиолетовый и самый ценный, твёрдый и очень дорогой синий янтарь. Очень ценятся и те камни, в которых застыли частицы растений или животных.

Люди начали собирать янтарь гораздо раньше, чем добывать его. Чаще всего собирали женщины и дети на берегах моря или ловили сачками в воде: заходили по колено или по пояс в море и вылавливали водоросли с запутавшимся в нём янтарём. Сохранились свидетельства, что в XVI веке добытчики выходили в море на лодках и искали на дне скопления этого камня: в спокойной воде он хорошо заметен даже на глубине семи метров.

Издrevле янтарь применялся для изготовления всевозможных украшений и предметов быта: шкатулки, ларцы, пепельницы и даже часы.

По словам историка Плиния, в Древнем Риме во времена правления Нерона господствовала мода на изделия из янтаря из-за его лечебных свойств. Богатые римляне носили с собой янтарные шарики, считая, что они укрепляют силу. В Китае и Японии почитали янтарь вишнёвого цвета, похожий на кровь дракона, его носили члены императорской семьи. Балтийский янтарь венчал корону знаменитого египетского фараона Тутанхамона. У некоторых народов древности янтарь выполнял роль денег, а другие считали его способным излечить любые недуги. У древних греков подарить янтарь означало пожелать удачи, победы.

По ориентировочным подсчётам морские волны вымывают со дна на берег около 36-38 тонн янтаря. Особенно много его бывает после шторма и бури. Иногда попадаются и рекордно большие камни. В XIX веке в Пруссии нашли два куска янтаря весом в 12 и 9,8 килограммов, в музее Калининградской области хранится янтарь весом в 4,28 килограмма, а в галерее янтаря в Ниде камень весом 3,82 килограмма.

Давным-давно, когда на земле ещё не было ни деревень, ни больших городов, а люди жили рядом с дикими зверями, в одном лесу неподалёку от человеческого стойбища обитала стая собак под предводительством Большого Пса. Нелегко жилось четверолапым в лесу, пока они не подружились с людьми, которые стали кормить их и разрешать греться у костра. Животные так привыкли полагаться на своих двуногих друзей, что перестали ходить на охоту за добычей, искать логово для выращивания щенков.

Но вскоре для людей настали трудные времена: в лесу стало холодно, пищу они добывали с большим трудом. И тогда вождь человеческого племени пришёл к вожаку стаи. При свете факелов на стенах большой пещеры они составили договор о совместном существовании двух стай и назвали его Великая Родословная. Договор был оглашён перед племенами и стаями. Те, кто не имели силы и чуткого носа, но были нежны и ласковы – становились домашними любимцами, декоративными собаками. Они должны были веселить женщин племени, играть с детьми, составлять компанию старикам. Собаки, у которых были быстрые ноги для неутомимой погони, азартные и выносливые преследователи, становились охотничьими псами. Собаки, которые имели крепкие зубы, обладали силой и развитым умом, должны были помогать людям: охранять жилища, пасти скот. Так появились породы.

Большой Пёс был уже очень стар и слаб и теперь, когда дела стаи были решены, и каждая собака обрела себе хозяина, спокойно отправился к звёздам, но и оттуда продолжал следить за своими подопечными, чтобы при необходимости прийти им на помощь. Зимой, когда появляется первый снег, ты можешь увидеть созвездие Большого Пса, которое подмигивает тебе самой яркой звездой ночного неба под названием Сириус.

Но почти в каждом правиле бывают исключения. Один пёс был неисправимым мечтателем и путешественником, ему всё было интересно: что скрывается за ручейком, почему бабочки летают, а гусеницы нет, куда спешат муравьи по своей дорожке. Возвращаясь из своих походов, он спешил всем рассказать о том, что видел, и так много и громко лаял, что на него перестали обращать внимание и люди, и собаки. Вот и в тот день, когда огласили содержание Великой Родословной, его не было в стае, и он остался без хозяина. Когда собака вернулась в стойбище, там уже никого не было, она потерянно покружилась на месте, подняла голову кверху и завывала. Каково же было её удивление, когда там, далеко на небосводе, она увидела Большого Пса, который не менее изумлённо смотрел сверху вниз. Только теперь Вожак понял, что этот его подопечный остался без породы и без хозяина. Он уже не мог исправить свою ошибку и посоветовал собаке самой найти хозяина или верного друга.

Собравшись с духом, собака отправилась навстречу новым приключениям. Где только не побывал наш пёс в своих странствиях: и в далёкой Австралии, где Динго поведал ему свою историю; и в Англии, где Бобтейл приветствовал его, памахивая крошечным хвостиком; и во Франции, где Бишон спел ему балладу о трогательной дружбе собаки и бабочки; и на Крайнем Севере, где с удовольствием впрягался в собачью упряжку и бегал по искрящемуся снегу в облачке морозного воздуха... Забрёл однажды наш, закалённый дальними странствиями пёс и в Звёздный городок, где как раз отбирали кандидатов для полёта в космос. Он прошёл все испытания и отправился в космос, а фотографии с его мордашкой появились во всех газетах мира. Но поздравления быстро закончились, и про безродного дворового пса снова забыли, он оказался один-

одинёшенек на улице, часто довольствуясь на обед несколькими глотками воды из лужицы.

Но ведь чудеса случаются, правда? Ты ведь в это веришь... Однажды в дальний угол двора заглянула девушка. Она уж точно верила в чудеса и очень давно выбирала собаку. Изучила множество описаний пород, прочитала кучу объявлений, но всё что-то ей не подходило. А теперь она присела перед небольшой собачкой, которая настороженно следила за ней внимательными умными глазами. Между ними завязывается тихий разговор: собачка рассказывает девушке о своих приключениях, затем они вместе уходят со двора, точно зная, что нашли друг друга. И ты, когда на улице встретишь одинокую, бездомную собаку, не спешి посмеяться над ней. Присмотрись повнимательнее, загляни в её понимающие глаза, возможно, ты увидишь в них друга, который так долго искал тебя.

Видите ли, я-бутафор. Бу-та-фор! Слово-то какое: ёмкое, игровое! Зрители приходят в кукольный театр, смотрят представление и редко когда задумываются над тем, кто всё это соорудил – забавные рожицы, смешные личики, ужасные морды... А это всё мы, художники-бутафоры. И сколько тут нужно всего придумать. Вот прибегают молодой режиссёр – к спектаклю срочно нужна Муха. И что прикажете делать бутафорам? Штатным волшебникам, мастеровым его величества Кукольного театра? Нашла в ящике головку от старой куклы, нарастила глаза, скрутила из проволоки хоботок, вырезала части туловища, оклеила бархатом, пристроила крылья из полупрозрачной ткани и вот... сидит на ладони Муха, кажется, сейчас взлетит и зажужжит.

А ремеслом своим я обязана бабушке Нине. Я обожала оставаться ночевать в её комнате в большой коммунальной квартире. Весь широченный подоконник единственного окна был у неё уставлен горшками, банками, вазами, в которых стояли розы. И аромат стоял такой, что, войдя и вдохнув, человек останавливался слегка оглушённый. Но больше всего в её комнате меня завораживал трельяж, - я могла в нём увидеть собственный затылок с двумя крендельками косичек. Нравился мне и круглый стол, за которым мы с бабушкой пили чай из тонких красивых чашек, вприкуску с сахаром. Тот лежал в квадратной стеклянной банке, и его надо было колоть крокодиллом – щелкунчиком. Как это было вкусно!

Ещё была печка, рядом с которой зимами сохли валенки, и большая барская кровать с высокой периной. Завершали обстановку напольные часы и шкаф, а на нём - радио. Часов в одиннадцать мы укладывались спать, и ритуал отхода ко сну был одним и тем же. Сначала бабушка загадывала мне загадки, давно известные. «Сидит на ложке, свесив ножки – что это?»- «Вермишель!» - радостно угадывала я. Потом ещё минут двадцать мы шептались, вздыхая и хихикая. Наконец последним, уже в туманном полусне, отсчитывало полуночное время радио, которое потом всю ночь только попискивало каждые полчаса.

Так вот, вся моя любовь к рукоделию, лоскутам, кружевам, пуговицам и проволочкам – от бабушки Нины. Сколько у меня всего осталось после неё – всех этих бессмертных вязаных вещей: сумочек, салфеток, перчаток, воротничков... и, конечно же, тряпичных кукол, которых она очень быстро вывязывала мне в детстве, а потом и я, наученная ею, вязала и дарила всем вокруг. Они были удивительно живые, просились в руки, даже ласкались. Наверное, с тех самых пор, ещё с детства, я выбрала мягкие материалы и сейчас их в работе предпочитаю.

А от второй бабушки, от Тани, у меня, как мама говорит, врождённая «кукольность». Я думаю, что это качество и отличает человека нашей профессии от других нормальных людей. Я убеждена, что бабушка Таня могла стать актрисой, причём актрисой именно кукольного театра. Мне иногда кажется, что всех этих людей – и родных, и незнакомых – я могла бы смастерить так подробно, так доподлинно, что наш молодой режиссёр надолго бы замер, рассматривая их, а потом воскликнул бы от души: «Это гениально! Гениально! Гениально!»

Слово «псевдоним» греческого происхождения («псевдо» - ложный, «оним» - имя) и означает вымышленное имя. Традиция получать другое имя довольно древняя и существует в разных культурах: на востоке воины получали боевое имя, обязательно была перемена имени у священников и монахов, в китайской и японской культуре при изменении социального статуса человек получал и другое имя.

Наибольшее распространение псевдонимы получили в культурной, спортивной, писательской среде. Чаще всего псевдонимами пользовались начинающие писатели, опасаясь, что «проба пера» не будет успешной. Известный писатель А. П. Чехов начал печатать короткие рассказы ещё учась в Таганрогской гимназии под псевдонимами Антоша Чехонте или «Человек без селезёнки», а всего их у писателя было около 50. Молодая поэтесса Анна Горенко свои первые стихи подписала Анна Ахматова (это фамилия её прабабушки) и под этим именем осталась в литературе.

Пользовались псевдонимами и литовские авторы: Йонас Билюнас свои первые произведения подписывал Йонас Барздыла, позже Нюронис, а под творениями Йонаса Басанавичуса стоял псевдоним Бирштонас.

Не раз причиной появления псевдонима было нежелание родных и семьи видеть свою фамилию в печати. Профессия литератора в 18-19 веках не была очень уважаемой, считалось, что литературный труд не мог дать хорошего заработка или положения в обществе. Отец известного драматурга Мольера господин Поклен служил при королевском дворце камердинером и надеялся передать эту должность своему сыну Жану Батисту. Но тот присоединился к труппе актёров, начал писать пьесы, прославился под псевдонимом Мольер. Похожая история случилась и с французским писателем и философом Вольтером. Его настоящее имя Франсуа-Мари Аруэ. Отец хотел, чтобы он стал юристом, и юноше пришлось «укрыться» под вымышленным именем.

У писательниц были свои причины скрывать авторство: они боялись, что издатель не возьмёт рукопись, узнав, что та принадлежит перу женщины, читатель отложит книгу по той же причине, а критик оценит отрицательно. Женщинам полагалось лишь вдохновлять мастеров пера, кисти и резца, но отнюдь не творить самим. У женщин было намного меньше шансов на признание в литературе, которого и без того достичь было нелегко. Женщина-литератор - такое сочетание слов сто пятьдесят лет назад казалось противоестественным и вызывало не меньше удивления, чем женщина-инженер или женщина-врач. В общем, среди русских писателей девятнадцатого и начала двадцатого века насчитывалось добрых три десятка мнимых мужчин.

Актёры, певцы, танцоры часто меняют собственное имя на сценическое – более яркое, звучное и запоминающееся. Так Стефани Джоанн Анджелин Джерманотта на сцене известна как Леди Гага, Мария Калогеропулос как Мария Каллас, а Гордон Самнер -это Стинг.

Стремление заменить слишком длинное имя более коротким, запоминающимся характерно испанским, португальским, латиноамериканским спортсменам. Наверное, мало кому из футбольных болельщиков приходилось слышать имя Эдсона Арантеса ду Насименту, потому что в спорте этот футболист известен как Пеле.

В современном мире совершенно новой областью применения вымышленных имён стало пространство Интернета. Электронная почта, социальные сети, тематические форумы по интересам, личные блоги, игры онлайн обусловили широкое использование ников (от английского nickname) – новой формы псевдонимов.

Мне нужно писать новый детективный роман, но поскольку типичное свойство писательской натуры заключается в том, чтобы рваться писать обо всём на свете, кроме того, что он должен, мне вдруг страстно захотелось написать автобиографию. Я слышала, что любой человек рано или поздно приходит к этой настоящей потребности. Совершенно неожиданно такое желание овладело и мной.

С другой стороны, автобиография обязывает к слишком многому. Подразумевается скрупулёзное исследование жизни с именами, местами и датами в строгой хронологической последовательности. Мне же хочется наугад запустить руку в собственное прошлое и выудить оттуда пригоршню воспоминаний.

Жизнь, мне кажется, состоит из трёх периодов: бурное и упоительное настоящее, минута за минутой мчащееся с роковой скоростью; будущее, смутное и неопределённое, позволяющее сколько угодно строить интересные планы, чем сумасброднее – тем лучше, всё равно жизнь распорядится по-своему, так что мечтайте себе на здоровье; и, наконец, третий период – прошлое, фундамент нашей нынешней жизни, воспоминания, разбуженные невзначай каким-нибудь ароматом, очертаниями холма, старой песенкой, чем-то совсем обычным, вдруг заставляющим нас пробормотать: «Помню, как...» - с особым и неизъяснимым наслаждением.

Воспоминания – одна из наград, которые приносит возраст, и при этом награда сладостная.

Отчего вспоминается то, а не другое? Жизнь – вереница диапозитивов. Вы сидите и смотрите на экран. Хлоп! Я, совсем маленькая, ем шоколадные эклеры на своём дне рождения. Хлоп! Прошло два года: я иду с мамой по улице на базар. Мальчишка с тяжелой корзиной на полном ходу пулей врывается в меня, расцарапывает мне руку и чуть не опрокидывает на землю. Больно. Я заливаюсь слезами. Мне, наверное, лет семь.

Всплывают мгновения – а между ними долгие месяцы или даже годы. А что же происходило тогда? И поневоле возвращаешься к вопросу Пер Гюнта: «Где я был, я сам, я весь, я настоящий?» Думаю, что воспоминания, какими бы незначительными они не казались, как раз и высвечивают внутреннюю человеческую суть.

Я, сегодняшняя, точно такая же, как та, серьёзная маленькая девочка с белёсыми льняными локонами. Дом – тело, в котором обитает дух, - вырастает, развивает инстинкты, вкусы, эмоции, интеллект, но я сама, я вся, я – настоящая Агата, я – остаюсь. Вот мы проходим все поочерёдно: маленькая Агата Миллер, юная Агата Миллер, Агата Кристи и Агата Мэллоуэн.

Я всегда считала жизнь захватывающей и думаю так до сих пор. Мы мало знаем о ней – разве что крошечную частичку собственной, как актёр, которому предстоит произнести несколько строк в первом акте. У него есть напечатанный на машинке текст роли, и это всё, что ему известно. Пьесы он не читал. Да и зачем? Всё, что от него требуется, это произнести: «Телефон не работает, мадам» - и исчезнуть. Но когда в день спектакля занавес поднимется, он увидит всю пьесу и займёт в ней место наряду с остальными персонажами. Думаю, что быть частичкой чего-то целого – одно из самых увлекательных таинств жизни.

Я люблю жизнь и считаю, что просто жить – это великое благо. Я буду наслаждаться радостями памяти, не спеша писать время от времени несколько страниц или же иногда наугад запускать руку в собственное прошлое и выуживать оттуда пригоршню воспоминаний.

(Испанская сказка)

Жила-была на птичьем дворе прекрасная черная курица. На голове она носила маленькую корону, как испанская королева. А на ногах у нее были широкие штаны, как у турецкой султанши. По пятам за ней ходила дюжина цыплят — шесть курочек и шесть петушков. Курочки были похожи на свою мать, а петушки — на отца, самого храброго и галантного петуха во всей Кастилии. Мальчики уже немного умели кричать «ку-ку-ре-ку», а девочки премило кудахтали. Все они были очень умные и красивые цыплята.

Но был у курицы еще один сынок — тринадцатый. Вот уж этот несколько не походил ни на отца, ни на мать. Сказать по правде, он ни на что не был похож, этот тринадцатый цыпленок, — у него не хватало одной лапки, одного крыла и одного глаза.

Цыпленок скакал по двору на одной ноге, размахивая одним крылом и посматривая вокруг одним глазом. Но это не мешало ему кричать громче всех и выхватывать из материнского клюва зерна и червяков вдвое быстрее, чем это делали все его двуглазые и двуногие сестры и братья.

Казалось бы, уж если вы уродились на свет хромым, кривым и однокрылым, самое лучшее и разумное для вас — вести себя скромно. Но, должно быть, у этого тринадцатого цыпленка не хватало не только ноги, но и ума в голове. Во всяком случае, он вел себя задорнее и горделивей, чем все боевые петухи от Бургоса до Мадрида. Он никому не желал уступать дорогу, никого не удостаивал своей дружбы, ни с кем не хотел делиться ни добычей, ни подачкой.

Целыми часами простаивал он над какой-нибудь канавкой, полной воды, или над лужей, которая никогда не просыхает подле колодца, и, слегка склонив голову набок, любовался своим отражением. А так как, по обычаю всех петухов, он от восторга закрывал глаза, — вернее было бы сказать, один-единственный глаз, — то ему и казалось, что он самая прекрасная и важная птица на свете.

Если куры начинали громче обычного кудахтать на своем насесте, он говорил, что это они раскудахтались с досады на то, что он глядит на них только одним глазом. Если кто-нибудь из братьев нечаянно толкал его или выхватывал у него из-под носа червяка, он кричал:

— Все зависть! Все ку-ку-ревность! — и сразу кидался в драку.

Всякое чужое «ку-ку-ре-ку» выводило его из себя. Но как он ни старался перекричать всех своих братьев — родных, двоюродных и троюродных, — это ему никак не удавалось: вокруг было слишком много петухов, еще более горластых, чем он.

И вот в конце концов он решил попросту покинуть этот жалкий птичий двор, где только и умеют, что кудахтать да дремать, сидя на насесте.

— Матушка, — сказал он. — Испания мне надоела! Я отправляюсь в Рим.

— Куда? Куда? — закричала в ужасе курица.

— В Рим! — сказал тринадцатый цыпленок. — Мне хочется видеть римского папу. Да и ему, конечно, будет интересно поглядеть на меня.

— Что ты, мой мальчик, — сказала бедная курица, — ведь это страшно далеко! Ты заблудишься.

— Пустяки! — ответил цыпленок. — Все дороги ведут в Рим.

— Предположим, — сказала курица. — Но будь уверен, что задний двор, на котором ты родился, стоит любого двора, даже королевского. Нигде на свете ты не найдешь такого уютного курятника, выбеленного чистой известкой, таких тенистых шелковичных деревьев, под ветвями которых можно укрыться и от дождя и от зноя, такой огромной, такой величественной, такой душистой кучи навоза!.. А сколько здесь червей! Ведь их и разыскивать не нужно — наклони голову и клюнь! Наклони голову и клюнь! Я уже не говорю о том, что здесь ты окружен любящей родней. Все петухи и куры

вокруг — наши двоюродные и троюродные... И, кроме того, три великолепных сторожевых пса днем и ночью охраняют нас от лисицы. Не забывай этого, дитя мое!

— Ах, это-то мне и невыносимо! — сказал цыпленок и махнул своим единственным крылом. — Эти ищейки не дают нам шагу ступить. Собаки! А уж что касается родни, так будем откровенны, матушка: мои братцы и сестрицы только и умеют горланить да кудахтать, у всех моих двоюродных — куриные мозги, а троюродные еще в скорлупе были настоящими болтунами. Нет, и не уговаривайте меня! Я ни за что не останусь в этой дыре. Я хочу видеть свет и хочу, чтобы свет увидел меня!

— Ты хочешь, чтобы свет увидел тебя? — спросила курица грустно. — Но разве ты никогда не гляделся в лужицу, друг мой? Разве ты не знаешь, что у тебя не хватает лапки, глаза и крыла? Ох, и тем, кто смотрит в оба, не так-то легко уберечься от всяких бед, а что будет с тобой, мой бедный одноглазый мальчик!

— Вы скоро это узнаете, — ответил тринадцатый цыпленок и вытянул шею так гордо, как это умеют делать только петухи. — Да, я не похож на своих братьев, но я и вылупился из яйца для того, чтобы удивить свет и занять в нем высокое положение. Мое место не здесь, на этой навозной куче, среди глупой домашней птицы. Прощайте, матушка! В Рим! В Рим!

— погоди же, погоди, дитя мое! — закричала курица. — Дай мне обнять и благословить тебя!

— Вы слишком чувствительны, матушка, — ответил цыпленок. — А впрочем, если это вам доставит удовольствие... — И он наклонил голову.

— Выслушай меня, сын мой, — сказала курица, приподнимая лапку. — Два-три совета — это все, что я могу дать тебе на дорогу. Во-первых, избегай поваров и поварят — их легко узнать по белым колпакам, передникам и ножам, которые они носят сбоку, за поясом. У этих людей нет ни стыда, ни совести. Они настоящие разбойники. Им ничего не стоит зарезать нас среди бела дня и ощипать до последнего перышка... Во-вторых, будь услужлив, приветлив и учтив. Недаром говорят: «Кто меняет в дороге коня на осла — сам осел; кто меняет услугу на услугу — мудрец». Я сама помню один случай...

— Извините меня, матушка, — перебил ее цыпленок. — Все это очень интересно, но мне, к сожалению, некогда, я должен спешить. Передайте мое нижайшее кукуреку братьям, сестрам и прочей родне.

И с этими словами он распустил хвост по ветру, добежал до полуоткрытой калитки, перескочил через порог, и не успела курица опомниться, как он уже скрылся из виду.

Смахнув слезу, она поплелась в тень старых шелковиц, чтобы поискать червей и немного забыться.

А в это время ее тринадцатый сын уже мчался в полскока, в пол-лета по полям, по лугам, по дорожкам и тропинкам — прямо к оливковой роще, которую он заметил вдали.

Сначала путешествие его было очень приятно. Он скакал, летел, бежал, наслаждаясь утренней прохладой, останавливался, чтобы отдохнуть и подкрепиться несколькими зернышками, расклевать гусеницу или, как говорится, заморить червячка, а потом опять бежал, летел, скакал...

Но, когда солнце поднялось повыше и стало припекать не на шутку, ему сделалось жарко и сильно захотелось пить. Так как у него не хватало правого глаза, то он посмотрел налево, потом сделал пол-оборота, еще раз посмотрел налево и закричал во все горло:

— Река! Ку-ку-река! Ку-ку-река!

Но это была вовсе не река, а только маленький ручеек, почти пересохший от зноя. Наш путешественник сначала перемахнул через гряду гладких, словно отшлифованных камней, потом пересек полосу мягкого, мелкого песка и только тогда увидел наконец, что по самой середине песчаного ложа извивалась струйка воды, но такая узенькая, тоненькая, слабенькая, что достаточно было двух листков, упавших с дерева, чтобы совсем остановить ее течение.

Однако же не зря сказано: «Где быку и не напиться, там петуху — утопиться!» Для нашего странника и в этом ручейке было довольно воды. Он наклонил к ручью свой гребешок и опустил в воду клюв, потом, по обычаю предков, закинул голову назад, еще раз наклонился, еще раз откинулся — и так до тех пор, пока не почувствовал в горле приятную свежесть.

И вот, когда он наклонился к воде в последний раз, она вдруг пролепетала еле слышным от слабости голосом:

— О сеньор, по вкусу ли вам пришлось это питье? Я бы рада была угостить вас получше, да нечем — это мои последние капли... Я сохну, умираю... Вы сами видите: два жалких листка стали для меня непроходимой преградой. Я не могу поднять их, чтобы унести с собой, и не могу обогнуть их... Умоляю вас, будьте милосердны, отбросьте куда-нибудь в сторону эти два листа! Одним движением клюва вы можете вернуть меня к жизни и открыть передо мной дорогу. После первого же дождя я расплачусь с вами!

— Что? — сказал тринадцатый цыпленок и раскрыл свой единственный глаз так широко, как только мог. — Вы, кажется, изволите шутить, сеньора Вода? Уж не принимаете ли вы меня за чистильщика канав? Стоило ли покидать свои родовые поместья, чтобы прокладывать путь в свет не себе, а другим! Что же касается дождя, то я не охотник до него. Я хорошо помню, как после одного ливня кто-то назвал меня «мокрой курицей». Это меня-то! Курицей! Да еще мокрой!.. Нет уж, справляйтесь сами как знаете. А я вам не слуга.

Тут он взмахнул крылом, оттолкнулся от земли шпорой и перелетел на другую сторону ручья...

— Ты еще вспомнишь обо мне... — пробормотала Вода, но так тихо и невнятно, что он ничего не слышал, а может быть, не захотел услышать.

К тому времени, когда солнце поднялось на самую середину неба и колокол на церковной башне отсчитал целую дюжину гулких, полновесных ударов, тринадцатый цыпленок (для краткости мы будем называть его просто Тринадцатый) уже добрался до оливковой рощи. Он нашел себе уютное местечко в тени и задремал. Ему снился очень приятный сон — будто он занял высокое, самое-самое высокое положение в свете. Это он вместо солнца плыл по небу, светил направо и налево, жег и припекал кого следует, а солнышко, опустив свой золотой гребешок и свернув лучистые крылья, дремало в роще олив. Да, это был очень, очень приятный сон!

Выспавшись всласть, Тринадцатый проснулся, подскочил на одном месте, крикнул «ку-ку-ре-ку» и отправился дальше. Скоро он оставил позади оливковую рощу и вышел на укромную полянку, всю заросшую кустами диких роз.

— И кто только насажал здесь столько ко-ко-ко-лючек! — сказал он и от негодования закатил глаз под самый гребень. — Полюбуйтесь-ка на них! Как расфрантились, как раздушились! И смотреть противно, и дышать нечем!.. Нет, надо удирать отсюда поскорее!

И он так сильно взмахнул крылом, что ветки вокруг него закачались, а в траве зашелестело. Он остановился и прислушался.

— Добрый сеньор, — шелестело в траве, — помоги мне! Я Ветер — тот самый, который в хорошие времена вырывает с корнем оливковые деревья и сбрасывает с домов крыши... Видишь, что сделал со мной полуденный зной, — я почти без чувств и лежу на самой земле...

— Ах, так это вы, принц-невидимка? — сказал Тринадцатый, не кланяясь. — Вот уж не ожидал встретить ваше высочество так низко!.. Что ж это с вами случилось?

— И сам не знаю, — чуть дыша, прошептал Ветер. — Должно быть, я слишком долго играл с розами и они вскружили мне голову...

— Так, — сказал Тринадцатый. — Чего же вы хотите от меня, ветреный принц?

— Ах, меньше малого! — зашелестел Ветер. — Приподними меня чуть-чуть над землей и взмахни разок-другой своим крылом, чтобы я мог прийти в себя.

— Не понимаю, — сказал Тринадцатый. — Разве можно поднять то, чего не видишь? А я вас не вижу.

— И не надо, — ответил Ветер. — Вот рядом со мной лежит пушинка одуванчика. Подкинь ее кверху и гони крылом. А уж я поднимусь вместе с ней. Чуть только я выберусь из этих зарослей, мои крылья сами собой развернутся, и у меня хватит сил долететь вон до тех белых облаков. Их гонят мои братья — это славный, веселый народ, они поддержат меня до тех пор, пока я не получу наследства от моего деда Урагана. Ну, подними же меня скорей! Подними! Ты не пожалеешь об этой услуге...

Но Тринадцатый только отступил назад на полшага и тряхнул гребешком.

— Сеньор, — сказал он, — ваше высочество! А помните вы, как однажды, всего каких-нибудь восемь дней тому назад, вы изволили залететь в наше поместье и вволю позабавились, гоняя меня по всему двору и раздувая мой хвост, как будто это был не хвост, а парус! Все вокруг смеялись, даже самые желторотые цыплята, а вы — громче всех. Вам было очень смешно, не правда ли? Что ж, как видно, и насмешники оказываются иногда в смешном положении. Советую вам быть ниже травы, тише воды и, лежа здесь, под ногами у муравьев, поразмыслить на досуге о том, как дурно смеяться над теми, кто имеет в обществе гораздо больше веса, чем вы.

Сказав эту речь, Тринадцатый выгнул грудь колесом, напыжился, крикнул три раза «ку-ку-ре-ку» и побежал дальше.

На сжатом поле горкой лежали только что вырванные жнецами сорные травы. Легкий, чуть видный дымок выбирался из кучи стеблей и листьев. Тринадцатый подошел поближе, чтобы посмотреть, что тут происходит, и увидел маленький огонек, который червячком извивался среди зеленых, еще сырых стеблей, но никак не мог разгореться.

— Ко мне, дружище! — зашипел Огонь. — Скорей, скорей помоги мне, а не то я сейчас угасну... И куда только запропастился мой двоюродный братец — Ветер? Я совсем пропадаю без него. Окажи мне услугу — принеси хоть несколько сухих соломинок, чтобы я мог немного подкрепиться. Уж я не останусь перед тобой в долгу!..

— Ку-ку-ре-ку, — сказал Тринадцатый. — Вы просите у меня всего несколько соломинок? Это, конечно, немного. Но не скажите ли вы мне сначала, ваша светлость, кто зажарил мою покойную бабушку Брамапутру и мою тетку Пулярду?

И с этими словами он вскочил на кучу сорной травы и так плотно придавил ее к земле, что Огонь сразу перестал шипеть и последняя струйка дыма растаяла в воздухе. А Тринадцатый взмахнул крылом и помчался дальше в пол-лета, в полскока.

К вечеру он увидел перед собой городскую стену, черепичные крыши и высокую колокольню.

— Кук-ура! Ку-ку-Рим! Ку-ку-ре-ку! — закричал он и подпрыгнул так высоко, как только мог.

На самом деле это был вовсе не Рим, а просто маленький кастильский городок, куда окрестные крестьяне возили в базарные дни овощи, свежие яйца и молодых откормленных кур со связанными ногами.

Но Тринадцатый ни у кого ничего не спрашивал, а потому мог думать, что ему было угодно. Он считал, что уже достиг своей цели и ему остается совсем немного — только занять высокое положение в свете. Как же это сделать? О, это совсем не трудно. Надо только, чтобы вас заметили. А как сделать, чтобы вас заметили? Надо кричать как можно громче.

И вот Тринадцатый побежал на самую большую площадь в городе — это была площадь перед церковью, — взлетел на паперть и принялся кричать что было сил: «Ку-ку-ре-ку! Ку-ку-ре-ку!»

— Ты слышишь? — сказал своей жене церковный сторож. — Чей это петух заливается у нас на паперти?

— Ума не приложу... — сказала сторожиха. — У нас в городе и нет таких горластых петухов.

— Да и во всей Кастилии нет петуха, который бы кричал в такое неурочное время, — прибавил сторож и вышел посмотреть, кому это вздумалось тревожить добрых людей. Он поймал буяна за хвост, перевернул вниз головой и потащил к себе на кухню.

— Погляди-ка, жена, на это диво! — сказал он. — За всю свою жизнь не видел я такого удивительного петуха!

— Да разве это петух? — сказала сторожиха. — Это просто полпетушонка. А ведь туда же — кричит, как настоящая птица!

— Ну, что его разглядывать! — сказал сторож. — Давай-ка сюда кипятку, жена, да ошпарь его хорошенько, чтобы легче было ощипать. Мы люди бедные, нам на ужин и полпетуха довольно, — особенно если эта половина достается даром.

Сторожиха сняла с очага целый чугунок кипятку.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — заклокотала Вода в чугунке. — Надеюсь, вы узнаете меня, сеньор? Ах, это была довольно-таки неприятная встреча!

— Помилуйте! Помилуйте, госпожа моя Вода! — закричал Тринадцатый. — Чистая, сладкая, прекрасная Вода!.. Вы лучше всех на свете — я так люблю вас, когда вы не кипятитесь! Сжальтесь надо мной, не обварите меня!

— А ты пожалел меня, когда я была слабее тебя? — ответила Вода, вся бурля от гнева. — Ты даже не захотел ради меня лишний раз нагнуться.

И она выплеснулась на него с такой яростью, что ни одной пушинки не осталось у него на теле. Тогда сторож посадил беднягу на вертел и поднес к огню.

— Господин мой Огонь! — закричал Тринадцатый. — Отец Света! Брат Солнца! Соперник Брильянта! Сжался надо мной! Сдержи свою горячность, умерь свое пламя — не жарь меня!

— А ты пожалел меня, когда я был слабее тебя? — ответил Огонь и засверкал от злости. — Ты не захотел подать мне в беде даже соломинку!

И он до того распалился, что одним дуновением превратил Тринадцатого от головы до шпоры в уголь.

— Ах, чертова птица! — сказал сторож, вертя перед глазами черного, как сажа, и твердого, как палка, петуха. — И когда только она успела сгореть так, словно ее поджаривали на адском пламени? Да пропади она пропадом! Не стану же я есть на ужин головешку!

Он схватил Тринадцатого за ногу, размахнулся и выкинул во двор — прямо на кучу навоза.

— Ветер! Милый Ветер! — прошептал Тринадцатый еле слышно. — Пожалей меня — мне так горячо... Подуй на меня! Взмахни надо мной своим крылом!..

— А ты пожалел меня, когда я был слабее тебя? — зашумел Ветер. — Пошевелил ради меня крылом? Ну, да уж ладно... Я, так и быть, подую на тебя, коли ты сам просишь. Да только я ведь теперь не прежний. Крылья у меня отросли. Я так на тебя стану дуть, что ты у меня завертишься!

Ветер дохнул один разок, и Тринадцатый взлетел на верхушку колокольни — прямо на острую спицу. Дохнул другой раз, и петушок завертелся волчком.

Так он и вертится до сих пор. Куда ветер подует, туда и поворачивается однокрылый, одноногий петушок.

Все уже давно позабыли, что когда-то он скакал по земле и звался Тринадцатый. Теперь его просто зовут Ветряным петушком или Флюгером.

— Ничего, — скрипит Флюгер, когда сильный ветер кружит его на спице, — ничего!.. Пусть я прошел сквозь огонь и воду, пусть ветер занес меня под самое небо и вертит, словно на вертеле, а все-таки я добился своего: занял высокое положение в свете!

VERTIMŲ IR ILIUSTRACIJŲ PROJEKTAS TAVO ŽVILGSNIS 2025

1. Švietimo įstaigos pavadinimas	
2. Moksleivio (-ės) vardas, pavardė (spausdintinėmis raidėmis)	
3. Mokytojo (darbo vadovo) vardas, pavardė	
4. Verčiama/ilustruojamo teksto pavadinimas (lietuvių kalba)	
5. Užsienio kalba, iš kurios verčiama/ilustruojama	
6. Moksleivio klasė/kursas	
7. Moksleivio amžius	
8. Tai Jūsų pirmoji ar antroji užsienio kalba? (pildo tik vertėjai)	
9. Užsienio kalbos mokymosi metai (pildo tik vertėjai)	